

Quarol
Fox

Илья *Финанс*
Эпох
Эренбург

Люди, годы, жизнь

Книги шестая и седьмая

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Э76

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Б.Я. Фрезинского, фондов РИА Новости

В оформлении обложки использованы фотографии Якова Берлинера/РИА Новости, Якова Бродского/РИА Новости, Михаила Озерского/РИА Новости, предоставленные ФГУП МИА «Россия сегодня»

Эренбург, Илья Григорьевич

Э76

Люди, годы, жизнь : книги шестая и седьмая / Илья Эренбург; подгот. текста, предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. – М.: АСТ, 2024. – 640 с.; ил. – (Диалог эпох).

ISBN 978-5-17-162866-6

В настоящей книге перед читателем разворачивается картина послевоенной Москвы, автор рассказывает о Нюрнбергском процессе, на котором присутствовал лично, о своей поездке в Америку, убийстве С. Михоэlsa и борьбе с «космополитами»... Заканчивается эпоха И. Сталина и начинается новая, с легкой руки Эренбурга вошедшая в историю под названием хрущевской оттепели. Она развенчала культ личности «отца народов», принесла существенные перемены к лучшему, дала людям творческую свободу. В эти годы Эренбург много путешествует по Индии, Японии, Греции, Армении, изучает и описывает жизнь этих стран.

Встречается здесь читатель и с известными учеными, писателями, художниками, чьи литературные портреты во множестве представил автор. Среди них А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Е. Шварц, А. Фадеев, П. Элюар, П. Неруда, Н. Хикмет, П. Пикассо, А. Матисс, М. Шагал...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162866-6

© И.Г. Эренбург, наследники, 2024

© Б.Я. Фрезинский, наследники,
подготовка текста,

предисловие, комментарии, 2024

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь»

(от замысла – к рукописи, от издания – к читателю)

Костра я не разжег, а лишь поставил
У гроба лет грошовую свечу...

Илья Эренбург¹

Том третий (1945–1960)

В третьем томе мемуаров Эренбурга, состоящем из шестой и незавершенной седьмой книг, повествуется о послевоенном времени. Период 1945–1960 годов естественно делится на две существенно разные политические эпохи: позднесталинскую деспотию и хрущевскую оттепель. Черное восьмилетие (май 1945 – март 1953) было одним из самых беспросветных в истории СССР. У дряхлеющего диктатора, не выпускавшего из рук управление мощным аппаратом госбезопасности и армии, было еще немало безумных планов упрочения своей диктатуры и расширения занимавшей полмира империи. Сразу после Победы 1945 года, достигнутой народом ценою невероятных жертв, он напомнил всем, кто именно в доме хозяин и что поблажек не будет никому. Страна жила впроголодь (ежегодное снижение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которых никто, за исключением более или менее обеспеченных жителей нескольких городов, не видел в лицо, было фикцией). Идеологические и политические кампании следовали одна за другой, унижая и подавляя интеллигенцию. Холодная война и пресловутая борьба за мир, придуманная Сталиным, камуфлировали военные приготовления нищей страны, обзаведшейся ядерным оружием.

В жизни Ильи Эренбурга морально это было очень трудное и очень жестокое время. Не впервые он морально был готов к аресту². Но, когда

¹ Из стихотворения «Люди, годы, жизнь» (1964).

² В конце марта 1949 г., в разгар кампании против космополитизма, ответственный сотрудник ЦК ВКП(б) Ф.М. Головенченко, выступая в Москве с докладом о литературе в присутствии тысячи свидетелей, объявил: «Могу сообщить вам хорошую новость – разоблачен и арестован космополит № 1, враг народа Илья Эренбург» (см. наст. том, гл. 15 шестой книги и комментарии к ней).

30 июня 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Утвердить т. Эренбурга И.Г. заместителем председателя Советского Комитета защиты мира, поручив ему руководство делом пропаганды движения сторонников мира и организацию в печати пропагандистских выступлений по этим вопросам»¹, его сделали титулованным «борцом за мир». Это не гарантировало ему жизнь, но давало уверенность, что его судьба будет решаться только Сталиным, а не любым начальником в госбезопасности. Итоговая формула в мемуарах Эренбурга об отношении его к Сталину однозначна: «Я не любил Сталина, но долго верил в него, и я его боялся»². Думаю, что это честное признание. В стихах о том времени, написанных Эренбургом, он был к себе строг и откровенен:

Когда луна бывала злая,
Я подвывал, и даже лял,
Не потому, что был я зверем,
А потому, что был я верен –
Не конуре, да и не плети,
Не всем богам на белом свете,
Не дракам, не красивым вракам,
Не злым сторожевым собакам,
А только плачу в темном доме
И теплой, как беда, соломе³.

В те годы реальная жизнь не предоставляла Эренбургу иного внутреннего выбора; это следует из того, что он очень много раз выезжал за границу, но всегда возвращался домой. Весной 1953 года, вскоре после смерти Сталина, он почувствовал: для страны настают новые времена. Теперь, с его легкой руки, во всем мире их зовут оттепелью (именно Эренбург первым и ширококвещательно назвал их так).

При его жизни мемуары «Люди, годы, жизнь» отдельным изданием (не считая собрания сочинений 1960-х годов) издавались лишь

¹ «Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ЦК ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике.1917–1953». Составители А.Н. Артизов и О.В. Наумов. М., 1999. С. 665.

² См. наст. том, гл. 32 шестой книги.

³ Из шестого стихотворения цикла «Старость» (напечатано в 1967).

однажды – в трех томиках (по две части в каждом), вышедших на протяжении пяти лет – в 1961–1966 гг. Тогда казалось, что писатель завершил свой большой труд, доведя повествование до смерти Сталина, как и замыслил в 1959-м.

Но в октябре 1964-го в результате заговора был свергнут Н.С. Хрущев, и уже первые месяцы после этого показали Эренбургу, политически всегда точно ощущавшему ситуацию в стране, что хрущевская эпоха в СССР завершилась и наступают политически иные времена. В 1966-м он принял решение рассказать о хрущевской оттепели в седьмой книге мемуаров. И в конце года приступил к работе над ней. Начав с рассказа о 1954 годе, он успел довести повествование только до 1960-го. Так что в третий том воспоминаний «Люди, годы, жизнь» входит шестая книга и 21 из 34 задуманных глав седьмой.

Книга шестая

Работа над шестой книгой «Люди, годы, жизнь» началась в октябре 1962 года; в январе – феврале 1963 года был перерыв в работе Эренбурга из-за его поездок за рубеж.

В марте 1963-го Эренбурга разыскали в Мальме (Швеция) и попросили вернуться в Москву, чтобы 7–8 марта присутствовать на встрече деятелей культуры с Н.С. Хрущевым.

Встречу открыл секретарь ЦК Л. Ильичев, руководивший антиэренбургской кампанией в стране. На следующий день встреча продолжилась, но Эренбург на нее не пришел. Именно в тот день выступал Хрущев.

Вот два свидетельства участников этой встречи.

Евгений Евтушенко: «На этой встрече Хрущев поддался собственному нервозному настроению, созданному услужливой дезинформацией <...> Эта дезинформация исходила и от некоторых писателей, которые, теряя с развитием гласности свои посты и влияние, пытались монополизировать патриотизм, пытались обвинить во всех смертных грехах других, неугодных им писателей»¹.

¹ Архив автора.

Маргарита Алигер: «Кто из нас, просидевших два долгих дня на этой встрече, может припомнить, за что, собственно, критиковали Илью Эренбурга? Но кто из нас может забыть, как чудовищно и безобразно это звучало?.. Я никогда не представляла, что Эренбург может быть так подавлен»¹.

В своей речи Хрущев дважды заговорил об Эренбурге. Первый раз – о мемуарах: «Когда читаешь мемуары И.Г. Эренбурга, то обращаешь внимание на то, что он все изображает в мрачных тонах. Сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям»². Для усиления пассажа Хрущев продолжил речь контрпримером, заготовленным для него в аппарате Ильичева: «Совсем иначе сложилась судьба такого, например, писателя, как Галина Серебрякова, которая многие годы находилась в заключении. Но она, несмотря на это, сохранила бодрость духа, верность делу партии и сразу после реабилитации включилась в творческую жизнь, взялась за свое оружие и создает произведения, нужные народу и партии»³. «Критику» Эренбурга Хрущев продолжил в разделе, посвященном борьбе с мирным сосуществованием в области идеологии: «Было время, когда товарищ Эренбург приезжал к В.И. Ленину в Париж и был сочувственно им принят, как он сам об этом пишет. Даже в партию вступал товарищ Эренбург, а затем отошел от нее. Непосредственного участия в социалистической революции он не принимал, занимая, видимо, позицию постороннего наблюдателя. Думается, не будет искажена истина, если сказать, что с таких же позиций товарищ Эренбург оценивает нашу революцию и весь последующий период социалистического строительства в своих мемуарах “Люди, годы, жизнь”». Этот тезис был усилен противопоставлением работе Эренбурга «замечательного примера патриотического, партийного понимания задач художника» в творчестве М.А. Шолохова, который «с непримиримой ненавистью разоблачает и разит врагов нашего общественного строя»⁴.

¹ Там же.

² Новый мир. 1963. № 3. С. 11.

³ Там же. Г. Серебрякова была репрессирована как жена Г.Я. Сокольниковой, товарища большевистской юности Эренбурга, не реабилитированного Хрущевым как «врага народа»; по возвращении из Гулага она продолжила работу над цензурно бесприкрытыми в СССР романами о Карле Марксе.

⁴ Новый мир. 1963. № 3. С. 19.

Сразу после этого писатель получил много писем читателей и друзей в свою поддержку; прочитав речь Хрущева, порядочные люди открыто выражали Эренбургу свои искренние симпатии¹.

10 апреля 1963 года Эренбург написал Е.Г. Полонской: «Я долго тебе не отвечал: настроение соответствующее, да и организм, остановленный на ходу, дает знать, что такое *limite d'âge* <предельный возраст (фр.). – Б.Ф.>. В 3 номере “Нового мира” ты найдешь скоро сокращенный конец 5-ой части. Шестую, которую я писал, сейчас оставил *en somme* < до лучших времен (фр.). – Б.Ф.>»².

Эренбург вернулся к работе над шестой книгой мемуаров лишь после личной встречи с Хрущевым, состоявшейся (один на один) в Кремле 3 августа 1963 года. На этой встрече он узнал, что глава государства «критиковал» его мемуары, оперируя надерганными для него цитатами, а теперь, прочитав книгу, не обнаружил в ней ничего вредного. Эренбургу было сказано, что для писателей такого масштаба цензура не нужна – им можно доверять. Этот вопрос обсуждался 21 октября 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС, проходившем в присутствии Хрущева («За обедом», как записано в протоколе № 120а). В этом протоколе заседания обсуждавшийся вопрос озаглавлен «О письме Эренбурга»³. Имеется в виду следующее его письмо Хрущеву:

«Москва, 18 августа 1963

Дорогой Никита Сергеевич, еще раз благодарю Вас за беседу, она произвела на меня глубокое впечатление и придала бодрости. Беда в том,

¹ 11 писем из этого потока приводятся в книге: Почта Ильи Эренбурга. 1916–1967 / Издание подготовлено Б.Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2006; далее при ссылках: *ПЗ* и номера писем.

² *Илья Эренбург*. На цоколе истории. Письма 1931–1967 / Издание подготовлено Б.Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 547, далее при ссылках: *П2* и номера писем.

³ Президиум ЦК КПСС 1954–1964: в 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Главный редактор А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 761; текст письма Хрущеву от Эренбурга (оно в ЦК КПСС зарегистрировано 21 октября 1963 г.) и текст письма от Н.В. Лесючевского от 15 августа, которое он переслал Хрущеву, напечатаны в т. 3 «Постановлений 1959–1964» (М.: РОССПЭН, 2008. С. 593–594). Там же (с. 1039) записано: «Решение о письме И.Г. Эренбурга в протокол не записывалось». Письмо Хрущеву см. также: Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 309–310.

что о Ваших словах, видимо, не знают товарищи, ведающие литературными делами. Наверное, Вы помните, что о предложении переделать напечатанные в журнале “Новый мир” части моих воспоминаний я Вам говорил и сказал, что такого рода переделка произвела бы нехорошее впечатление и у нас, и за рубежом. Вы со мной согласились. Я сообщил об этом издательству “Советский писатель” и в ответ получил прилагаемое при сем письмо¹. Следовательно, я по-прежнему в безвыходном положении. Вы сами, конечно, решите, как быть. Искренне уважающий Вас И. Эренбург»².

После сообщения Хрущева о письме писателя Президиум ЦК КПСС принял постановление: «Вызвать <Эренбурга. – Б.Ф.>, сказать: “вы сами будете цензором”»³. Не зная об этом, Эренбург продолжал работать над шестой книгой мемуаров. Поскольку никакого ответа от Хрущева он не получил и его никто в ЦК КПСС не вызывал, он понял, что аппарат ЦК хрущевские обещания уже не выполняет.

Тем не менее Эренбург продолжал свою работу на том уровне открытости, как и начал ее. Сошлюсь на свидетельство Б.М. Сарнова, именно в 1956–1967 годы встречавшегося с Эренбургом (есть основания считать их отношения достаточно доверительными): «Да, выдавая на гора – книгу за книгой – свои мемуары, Эренбург действительно работал на пределе возможностей. Нередко даже с боями и неизбежными потерями он *переступал* этот последний предел. Но именно потому, что он не мог удержаться от того, чтобы хоть намеком коснуться какой-нибудь запретной темы, не боялся то и дело приближаться к “рубежу запретной зоны”, – именно поэтому его намеки часто бывали туманными и маловразумительными, нередко превращаясь в загадку, которую просто невозможно было разгадать»⁴. При комментировании текста мемуаров это обстоятельство приходится учитывать, давая необходимые разъяснения современному читателю.

¹ Директор издательства Н. Лесючевский писал Эренбургу, что ему следует учесть справедливую партийную критику и тогда издательство сможет выпустить третью и четвертую части мемуаров отдельным изданием.

² См.: *П2*. № 512.

³ «Президиум ЦК КПСС 1954–1964». Т. 1. С. 761.

⁴ *Сарнов Б.* Скуки не было: вторая книга воспоминаний. М.: Аграф, 2005. С. 65–66.

Главной проблемой при работе над шестой книгой воспоминаний для Эренбурга оказалась обещанная читателям глава о Сталине. Приведем об этом свидетельства трех эренбургских собеседников с разным стажем – очень близкого к Эренбургу Б.А. Слуцкого, давнего знакомого Д.С. Данина и случайного собеседника, прежде писателю незнакомого Р.А. Медведева.

Вот, как всегда, лапидарное, написанное после смерти Эренбурга воспоминание Бориса Слуцкого: «Очень долго писалась глава о Сталине. Несколько лет Сталин был одной из главных тем разговоров и размышлений (конечно, не у одного И.Г.). И.Г. пытался определить, выяснить закономерность сталинского отношения к людям – особенно в 1937 году – и пришел к мысли, что случайности было куда больше, чем закономерности. Однажды я спросил у И.Г., почему Сталин любил его книги. Отвечено было в том смысле, что ценилась их политическая полезность и международный охват. Вообще говоря, Сталин, смысл Сталина был орешком, в твердости которого И.Г. не раз признавался»¹.

Теперь куда более эмоциональный и большой отрывок из дневника 1967 года Даниила Данина²: «1 сентября. Рано утром позвонил Саша Мацкин³: “Умер Илья Григорьевич” <...> Саша М. сказал, что будущее уготовит Эренбургу репутацию Герцена. Хотелось мгновенно возразить – “какое время – такой и Герцен!” Но я удержался, потому что сильнее была переполненность чувством свалившейся беды. И это правда – свалилась общественная беда: вымер действующий мамонт, на протяжении последних полутора десятилетий бывший оплотом добрых начал. Или – по меньшей мере – живым противостоянием злу. Он был анти-шолоховским полюсом. И оказалось, что уже одно это – много! Впрочем, всю жизнь вся его сила бывала по преимуществу в противостоянии чему-нибудь или кому-нибудь. А когда он *стоял*, а не противостоял, силы особой не было <...> Спрашиваю себя: любил ли я его? Очень! <...> 2 сентября. Все

¹ *Слуцкий Б.* О других и о себе / Сост., подгот. текста, примеч. Петра Горелика; вступ. статья Никиты Елисеева. М.: Вагриус, 2005. С. 206–207.

² С Д.С. Даниным, знавшим Эренбурга еще перед войной, меня познакомил Дж. Рубинштейн в 1980-е.

³ С А.П. Мацкиным меня познакомил А.Я. Савич, и я записывал его воспоминания об Эренбурге.

перезваниваются второй день: “умер Эренбург”. И у всех одна поминальная фраза: “ушла целая эпоха”. Это колоссально много, если можно так говорить о человеке. В наши времена нет абсолютно безупречных. Но течение жизни подытоживает отдельные списки благодеяний и преступлений каждого. Даже у Булгакова, даже у Пастернака, даже у Солженицына есть оба списка: длинный и короткий. У Эренбурга длинными были оба. Однако список благодеяний все-таки наглядно длиннее... Редкая беспомощность истории: ее глобальное хитроумие не сумело до конца одолеть совесть своего слуги! Он жил в мировой суете и не растворился в ней. Мне-то, как и многим, вообще не следовало бы ни думать, ни говорить о нем хотя бы на йоту осуждающе. Мы-то были в те годы нулями истории (если не отрицательными величинами). Но дело в другом... Мне не забыть, как в октябре-декабре 41-го, после моего выхода из окружения под Вязьмой-Семлевым, он спас меня в Куйбышеве от трибунала. Не иносказательно, а буквально <...> И еще не забыть долгой ночи у него на улице Горького в 64-м году. Разговор длился с половины десятого до четырех часов утра <...> Длился действительно многочасовой монолог И.Г. Он не мог остановиться в бесконечном самооправдании, объясняя свое понимание Сталина – разветвленное, лукавое, двусмысленное понимание. Крошил сигареты в трубку (совсем как Сталин крошил “Герцеговину флор”). Отдымил почти целую пачку, так взъерошивало – так побуждало к протесту то, что он говорил. <...> Он сам был бы счастлив, когда бы случилось так, что на свете не существовало бы никогда никакого Сталина. Но Сталин существовал. И он, Эренбург, существовал одновременно...»¹...

И, наконец, воспоминания историка-диссидента Роя Медведева, оказавшегося у Эренбурга случайно (в конце 1965 г., будучи в гостях у автора тогда еще неопубликованной в СССР книги «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, он познакомился с секретарем Эренбурга Н.И. Столяровой и рассказал ей о своей, законченной вчерне, книге о сталинизме; по прочтении ее рукописи Н.И. попросила разрешения показать ее Эренбургу; когда И.Г. познакомился с рукописью, он пригласил Медведева зайти к нему

¹ Цитирую записи Д. Данина «Монолог-67» по ксерокопии авторской машинописи, подаренной им 30 сентября 1990 г. Дж. Рубинштейну.

для беседы¹): «Илья Григорьевич принял меня очень приветливо, усадил на диван и устроился сам в кресле напротив. На столе лежала моя рукопись. Эренбург не стал ни хвалить, ни критиковать ее, не делал он и замечаний по тексту. У него в руках не было никаких заметок, да и на страницах рукописи я не обнаружил позднее никаких пометок. <...> Он ничего не спрашивал обо мне лично, о моей семье, о мотивах, которые побудили меня писать о Сталине. Он сразу начал говорить о том, как он понимает сталинизм, о событиях 30–40-х годов и о Хрущеве. Это был весьма продолжительный и интересный монолог. Когда я пытался что-то возразить, Эренбург меня вежливо выслушивал, но потом продолжал свой рассказ, не вступая в полемику. Эренбург непрерывно курил, закуривая от кончающейся сигареты новую. <...> Многое из того, что говорил Эренбург, вызывало у меня несогласие. Он испытывал острую неприязнь к Хрущеву и не скрывал этого. Хрущев, по мнению Эренбурга, был слишком грубым, импульсивным и необразованным человеком. О Сталине писатель, напротив, говорил с явным уважением, хотя и осуждал его за репрессии. Эренбург пытался объяснить массовый террор 30-х годов кавказским происхождением Сталина. «На Кавказе, – говорил мне Илья Григорьевич, – еще очень живы традиции и обычаи кровной мести. Поэтому, устраняя кого-нибудь из своих врагов, Сталин должен был устранить и всех родных и друзей своего врага, чтобы избежать мести». <...> Очень много рассказывал мне Эренбург о последних месяцах жизни Сталина, о “деле врачей”, о начавшейся тогда недолгой, но дикой и интенсивной антисемитской кампании <...> Эренбург гордился своим поведением в эти февральские дни 1953 года <...> Наша встреча затянулась на несколько часов. Эренбург говорил много для меня важного и интересного, по-прежнему не задавая никаких вопросов. Физически Эренбург казался слабым, даже дряхлым стариком, но его суждения были острыми и быстрыми, он не уставал говорить, а его глаза поражали ясностью и выразительностью. Я не видел никаких признаков интеллектуального увядания»².

¹ Судя по всему, книга Р. Медведева не оказалась Эренбургу полезной при написании главы о Сталине; тем не менее он счел целесообразным повидаться с ее автором, чтобы изложить ему некоторые свои соображения о Сталине. В итоге Эренбург написал не портретную главу, а главу о смерти Сталина и в ней привел свои соображения о его личности.

² *Медведев Р.* Три встречи с Ильей Эренбургом // Еврейское слово. М., 2004. 14–20 января. С. 7.

Вернемся к хронике 1964 года. Вот запись в дневнике А.К. Гладкова от 16 января: «И.Г. написал к новому тому мемуаров краткое вступление, еще раз напоминающее, что это только воспоминания, а не история... Он говорит слабо и скептически улыбаясь, что больше не видит никакой логики в том, что происходит: в настроениях верхов, в капризах цензуры. Он это повторяет: логики нет, все случайно. Рассказывает мне о новой последней книге “Люди, годы, жизнь” <т.е. о шестой части. – Б.Ф.>. Он написал 22 главы, осталось 8, в том числе и глава о Сталине. Читает мне куски о Михоэлсе и его смерти, о борьбе с «космополитизмом», о 46-м годе, о разговорах с Маленковым об антисемитизме и пр. <...> Читает мне кусок из главы о Фадееве, который мне не нравится: он к нему слишком снисходителен, и вообще о Сталине. Он признает в нем своего рода “гениальность”, при всем зверстве, коварстве и злобе. По его словам, все крупные иностранцы, встречавшиеся со Сталиным, были им очарованы. И в то же время он нещадно матерился и был груб с подчиненными и зависимыми от него людьми. Мат вообще процветал наверху, и даже выдержанный Молотов матерился. <...> Бухарин рассказывал И.Г., что Сталин очень был тронут откликом Пастернака <на смерть Аллилуевой. – Б.Ф.> и долго держал его у себя на столе под стеклом, после того уже, как вырезка совсем пожелтела. Поэтому он хорошо относился к Б.Л. Тот написал это вполне искренне: это был чистый порыв. <...> О том, как Раскольников приходил к нему в Париже, смятенный от страха и просил совета: возвращаться ли. О том, что предстоит 50 лет азиатско-африканского национализма. О Мао и о личном воспоминании о приеме у него. ...В общей сложности я просидел у него часа три. Он мне показался уставшим и постаревшим, потерявшим свой обычный задор. Все время курит сигары, но говорит почти непрерывно, без всякой охоты вслушиваясь в мои редкие реплики. О его версии смерти Михоэлса: почему его не арестовали и не расстреляли, как других: “игра ума, развлечение Берии”»¹.

¹ Дневники Гладкова за 1964 г // Новый мир. 2014. № 1. При чтении записей Гладкова об Эренбурге надо всегда держать в уме важное обстоятельство: Эренбург был очень закрытый человек, он практически ни с кем из своих посетителей, исключая тех, кому он давал читать рукописи, не говорил о своих проблемах, никогда не плакался. Поэтому о его реальных возможностях по части публикации текстов они не имели понятия. И судили о напечатанном, как об изначально написанном.

В марте 1964 года шестая книга «Люди, годы, жизнь», описывающая послевоенное время до начала счастливой весны 1953 года, была передана в «Новый мир»; многое в ней вызвало возражение редакции, опасавшейся цензурных запретов и придинок. 20 мая Эренбург писал Полонской: «Я все еще сижу над правой шестой частью; ее будут печатать в «Новом мире», кажется, начиная с июля»¹.

Подготовка рукописи в журнале шла полным ходом, но главу о Фадееве Твардовский печатать категорически не захотел. Те друзья Эренбурга, что прочли шестую часть в рукописи, понять Твардовского не могли². Эренбург с решением редактора журнала смирился и написал для читателей объяснение, почему в журнале не печатается написанная им глава о Фадееве. Твардовского это объяснение возмутило, и 19 мая 1964 г. он написал Эренбургу: «Я еще раз перечитал главу, посвященную Фадееву, и, к сожалению, решительно не считаю возможным ее опубликование в «Новом мире». Мотивы свои я высказал Вам на словах <31 марта 1964 на встрече в редакции журнала. – Б.Ф.>, могу лишь повторить здесь, что Фадеева Вы, конечно, не желая того, рисуете в таком невыгодном и неправильном свете, что, напечатав ее, я поступил бы дорогой для меня памятью друга и писателя ³<...> Предложенная Вами «связка», которую Вы заключаете в скобки, соглашаясь опустить эту главу, не может быть принята, – это немыслимое дело – указывать, что здесь опущена глава, которая не нравится редактору журнала, – это курам смех. Подумайте и Вы еще раз, Илья Григорьевич, о том, как выйти из

¹ П2. № 543.

² Скажем, О.Г. Савич, дававший рукопись Эренбурга прочесть своим друзьям, писал ему в апреле–мае 1964-го: «Никто не понимает, почему Твардовский не хочет Фадеева» (ПЗ. № 447); теперь о Фадееве напечатаны весьма нелицеприятные воспоминания (см., хотя бы, записки М. Слонимского: Звезда. 2010. № 7. С. 122–130); они делают позицию Твардовского еще более неоправданной.

³ 8 марта 1956 г. Фадеев полностью разорвал с Твардовским все отношения, отправив ему соответствующее письмо, а 13 мая 1956 г. на даче в Переделкино покончил с собой, и Твардовский не пошел на его похороны. 11 мая там же, в Переделкино, он в очередной и, как оказалось, последний раз заходил к кинорежиссеру Э.И. Шуб, которая записала разговор с ним. Тогда Фадеев, сказав, что «самые интересные для него люди его поколения умерли», признался ей, что «интересны ему люди старшего поколения: Маршак – иногда злой, но дивный старик, Эренбург, Федин, Сарьян» (Фадеев А. Письма и документы. М., 2001. С. 343–344).